

КРУТОЙ ДРИНК ДЛЯ МАЛОЛЕТОК

Геннадий ВОСКРЕСЕНСКИЙ,
специальный корреспондент
«Московской среды»

Если не подводит память, еще в 2000 году из уст одного из первых лиц тогдашнего Минздрава РФ, главного санитарного врача России Геннадия Онищенко прозвучал призыв внести пиво в перечень алкогольных напитков. Заявление тогда вызвало протестный гвалт пивоваров «от Москвы до самых до окраин», не на шутку преисполнившись решимости объявить «пивной» поход против главного санитаря.

Спустя почти четыре года об инициативе господина Онищенко вспомнила Мосгордума, которая намерена выступить с законодательной инициативой о внесении пива всех марок и вкусов в перечень алкогольных напитков. Соответствующее поста-

новление «О внесении изменений в статью Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» депутаты Мосгордумы приняли в первом чтении в самый канун мая.

По мнению депутатов, выраженному спикером Мосгордумы Владимиром Платоновым, в указанном федеральном законе в формулировке понятия «алкогольная продукция» не содержится «четкого определения пива как продукции, реализация которой лицензируется». Это приводит к неоднозначному толкованию действующих нормативно-правовых актов, а также позволяет недобросовест-

ным предпринимателям производить и продавать некачественную продукцию. Как убеждены депутаты, в список алкогольных напитков должно входить и пиво. Его реализация в городе требует контроля со стороны государства.

В Мосгордуме готов к принятию еще один законопроект - «О порядке лицензирования рыночной продажи алкогольной продукции в городе Москве». По мнению депутатов, если эта инициатива будет поддержана, на пиво распространятся все действующие условия лицензирования - как и на другие алкогольные напитки, что, в свою очередь, позволит защитить здоровье от некачественной продукции.

По-моему, обе инициативы можно только приветствовать. О пагубных последствиях нерегулируемой продажи пива, крепких напитков для молодого поколения, которое чуть ли не с пеленок начинает сей «второй» хлеб потреблять, не сказал только ленивый. «Пивной» алкоголизм молодежи - притча во языцех. А результат?

Вот ведь что примечательно: несмотря на заявления о стремлении защитить граждан от пива, ни Минздрав РФ вкуче с Московским горздравом в 2000 году, ни Мосгордума в году 2004-м ни слова не говорят о так называемых слабых коктейлях. Между тем вкуче с пивом эти напитки широко распространяются у нас в городе. Большой выбор ярких баночек со всевозможными сильно-, средне- и слабоалкогольными коктейлями можно без труда найти и без малейшего затруднения приобрести в любом киоске.

В Москве, по данным Департамента потребительского рынка и услуг, точек, торгующих так называемыми энергетическими напитками, более 12 тысяч: по одной точке на каждую тысячу душ взрослого и несовершеннолетнего населения. Москвичи, как, например, сообщает компания «Бизнес-аналитика», за прошлый год потребили более 40 миллионов дал (1 дал - 10 литров) этой самой «энергетической подпитки». Примерно на 35-40 процентов больше, чем в 2002 году.

Реальное же производство такой продукции увеличилось еще больше. Причем самый большой скачок эксперты зафиксировали именно в 2003 году. Как сообщили «МС» в Национальной алкогольной ассоциации (НАА), в 2000 году было произведено 24 213 тысяч дал «сильносреднеслабых» коктейлей, в 2001 году - 26 697 тысяч дал, в 2002 году - 33 009 тысяч дал, а в 2003 году - сразу 45 903 тысячи дал. Нет, я, разумеется, не против роста производства. Но при этом для меня лично остается невыясненным вопрос: сколько такого производства столице надо?!

Основными потребителями растущего из года в год производства джин-тоников, «отверток» и всевозможных «браво» являются именно молодые люди, зачастую не достигшие совершеннолетия. Врачи отмечают, что дети, привыкшие к различному газировкам, легко переходят на родственные по вкусу, но уже алкогольные коктейли. Причем их изготовление - плохое дело: надо только добавить в колу либо любую иную газир-

ровку спирт. В Москве, как утверждают наркологи, уже более чем реально дает себя знать такое явление, как «баночный алкоголизм». Формируется он дольше обычного - в среднем от одного до пяти лет. Но протекает намного тяжелее. И последствия его более разрушительны. Между тем в обществе об этом - ни слова, ни полслова.

А ведь коктейли не отнесешь к целебным эликсирам и еще по одной причине - в них содержатся пищевые добавки, которые изготовители воистину не жалеют: ароматизаторы, красители, стабилизаторы, консерванты... Безусловно, все эти вещества разрешены. Но за то, что они безобидны в используемых количествах, не поручится ни один медик. И волей-неволей лично я (думаю, не я один) задаюсь одним-единственным вопросом: почему при всех соответствующих инициативах чиновники от медицины, скажем, того же Департамента здравоохранения Москвы, давно начавшие «жесткую» борьбу против пива, вдруг будто воды в рот набирают, едва лишь речь заходит о так называемых «сильносреднеслабо» газированных коктейлях на спирту?..

Общезвестно, что в последние годы в массовом сознании населения страны заметно изменилось отношение к образованию. Сегодня качественное образование снова востребовано государством и обществом, а новые учебные заведения растут как грибы после теплого дождя. И в это же время система военного образования, увя, переживает глубокий кризис...

Статистика последних лет - удручающая. В течение первого года до 30 процентов лейтенантов-выпускников военных вузов снимают с себя погоны и используют свой диплом вне армии. Счетная палата РФ оценивает потери от отсева лейтенантов в 16 млрд. рублей. Для сравнения: в 2002-2003 годах по разделу госбюджета «Военная реформа» на сертификаты для покупки жилья для военных выделена аналогичная сумма.

С 1997 года в военных вузах на 50 процентов уменьшилось время на тактику, войсковую стажировку, эксплуатацию военной техники. После 2001 года из рядов Вооруженных сил было уволено около 750 докторов и кандидатов наук, причем почти 400 - досрочно. Более чем в половине вузов Минобороны уровень укомплектованности учеными, установленный требованиями государственной аккредитации, не достигнут. Этот перечень можно продолжить...

Есть разные подходы к решению этой проблемы - радикальные, умеренные, компромиссные. Так, представители ра-

ЛЕГКО ЛИ В БОЮ ПОСЛЕ ТАКОГО УЧЕНИЯ?

Виктор ОЗЕРОВ,
председатель комитета
Совета Федерации
по обороне и безопасности

дикально-либерального направления предлагают всю подготовку офицерского состава перевести в гражданские учебные заведения. Более умеренные рекомендуют сократить и оставить не более двух-трех на каждый вид Вооруженных сил. В военных вузах преподавать лишь сугубо военные предметы, а выбор места службы предоставлять выпускникам в зависимости от их успехов в обучении. Для повышения профессиональной подготовки офицерского состава использовать систему гражданских вузов.

В свою очередь отдельные военачальники стоят на компромиссной позиции, считая, что систему военного образования необходимо строить на базе той, которой располагает Министерство обороны, при существенном или, может быть, даже кардинальном изменении системы

образования в других силовых структурах и ведомствах.

На мой взгляд, сегодня не стоит раскачивать существующую систему. В последнее время мы и так много дров наломали. Следует детально проанализировать опыт реформирования системы военного образования за последние годы, выявить результаты и извлечь уроки, осуществить мониторинг нормативной правовой базы, разработать методику обоснования кадрового заказа на подготовку военных специалистов и квалификационных требований к ним. Важно определиться с содержанием и сроками обучения, обеспечивающими достижение современного уровня подготовки. И уже после этого решать организационные вопросы (в том числе и на законодательном уровне): где, кого и кому учить.

В этой связи можно определить основные требования к системе военного

образования государства. Прежде всего необходимо исключить существующие противоречия в нормативных актах, которые оказывают негативное влияние на функционирование системы военного образования. Она должна максимально соответствовать российским традициям, то есть иметь национальную окраску. Важно также устранить противоречия между потребностями в кадрах и системой их подготовки. Безусловно, надо добиваться и максимально возможного качества военного образования. Все это - звенья одной цепи.

Кроме того, на мой взгляд, необходимо ввести перечень военных специальностей с принятием соответствующего образовательного стандарта. Во-вторых, привести в адекватное соответствие оплату за ученые звания и степени научно-педагогического состава. Надо также увеличить предельный возраст (а возможно, и не устанавливать его) при заключении контракта для лиц профессорско-преподавательского состава, имеющих научные степени и звания.

В наше время - время активной административной реорганизации - Россия сталкивается с широким кругом проблем. Представляется, что одна из серьез-

нейших - несовершенство законодательной базы, регулирующей сферу военного образования государства.

Еще одна проблема законодательного регулирования вопросов подготовки кадров связана с необходимостью совершенствования системы подготовки офицеров на базе военных кафедр гражданских вузов. Все мы знаем, что эта система сложилась еще в советское время, в период устойчивого комплектования Вооруженных сил за счет одного источника - военно-учебных заведений и была рассчитана преимущественно на восполнение мобилизационного ресурса младших офицеров. В условиях контрактной армии, когда из всего объема уволенных в запас из Вооруженных сил офицеров почти половина - младшие, система подготовки офицеров запаса требует кардинального пересмотра.

Военные кафедры гражданских вузов могут и должны быть ориентированы не только на подготовку офицеров запаса, но и на подготовку офицеров для службы по контракту. И быть при этом дополнительным источником восполнения кадрового потенциала Вооруженных сил, а не возможностью на законном основании откосить от призыва в армию.

ВОКРУГ КАРАБАХА СТРЕЛЯЮТ. СЛОВАМИ

Владимир МОХОВ,
военный эксперт

В мае исполнилось десять лет с начала перемирия в карабахском конфликте - первом серьезном межнациональном столкновении на постсоветском пространстве. Все эти годы в регионе сохраняется относительная стабильность. Однако окончательный, необратимый мир сюда так и не пришел. Самопровозглашенная Нагорно-Карабахская Республика продолжает оставаться яблоком раздора между Арменией и Азербайджаном. И конца этому раздору не видно...

Прорыва на переговорах ждали сразу после проведения президентских выборов в этих закавказских республиках. Казалось, что спокойная внутривосточная обстановка позволит Баку и Еревану сосредоточиться на карабахском вопросе, добиться хоть какого-то компромисса.

Однако надежды оказались тщетны. Выборы состоялись, а полнейшая несовместимость подходов армянской и азербайджанской сторон к перспективам дальнейшего существования НКР трансформировалась в совершенно иную плоскость.

И для Ильхама Алиева, и для Роберта Кочаряна Карабах стал своеобразным тестом на политическую состоятельность. В одном случае определенная часть национальной элиты хотела бы убедиться, что курс покойного Гейдара Алиева на возвращение мятежной автономии в азербайджанское правовое поле сохранится и при его сыне. Как заявляет бывший сопредседатель Минской группы ОБСЕ от России Владимир Казимиров, в Азербайджане пока не родился лидер, который бы взял на себя смелость публично отречься от

Карабах. Это означало бы его верную политическую смерть.

В другом же случае речь по большому счету идет о том, что «сдача» Карабах способна послужить катализатором захлебнувшейся в апреле «бархатной» революции. Такой «подарок» армянская оппозиция вряд ли упустит. Пример предыдущего армянского руководителя, Левона Тер-Петросяна, убеждает, что упреки в экономических неурядицах, нежелании бороться с бедностью и прочими социальными проблемами - ничто в сравнении с обвинениями в «согласительстве» по карабахскому вопросу. В этом случае нейтрализовать натиск оппозиционеров будет куда труднее.

В общем, в обеих странах Карабах стал синонимом своего Сталинграда, за который надо драться до последней капли крови. Отношением к этой проблеме лидерам Азербайджана и Армении можно либо укреплять, либо расшатывать свои внутривосточные позиции. И, пожалуй, именно этот фактор стал сегодня основным препятствием на пути урегулирования конфликта. Многие склонны считать его чуть ли не «последним прибежищем», позволяющим азербай-

джанскому и армянскому президентам беспроблемно влиять на собственный рейтинг.

Спрашивается, возможны ли в принципе при таком максималистском, непримиримом подходе хотя бы какие-то компромиссы? Ответ очевиден. Собственно, он и объясняет застой в переговорном процессе, который за десятилетие, прошедшее с момента прекращения огня, практически не сдвинулся с мертвой точки. Все эти годы переговоры напоминали разговор слепого с глухим, в результате чего позиции сторон только отдалялись, радикализировались. Немудрено, что ни Баку, ни Ереван трижды не приняли предложения сопредседателей Минской группы ОБСЕ даже за основу для дальнейшего диалога.

Никаких осязаемых результатов не принесли и два десятка встреч на уровне президентов Армении и Азербайджана в 1999-2002 годах. Взятый затем тайм-аут и вовсе привел к обоюдному нежеланию возобновить какие-либо контакты. Не больше чем данью формальности стала и последняя такая встреча, состоявшаяся в Варшаве в рамках Европейского экономического форума. Впрочем,

прорыва от нее никто и не ждал. И это понятно.

Непонятно, зачем усугублять ситуацию воинственной риторикой. На протяжении этих десяти лет она то затухает, то вспыхивает с новой силой. Но, пожалуй, впервые за эти годы обе стороны стали открыто говорить о возможности возобновления боевых действий в конфликтной зоне. К примеру, министр обороны Азербайджана Сафар Абиев призвал «наказать» Армению, назвав ее «страной-агрессором». Он заявил, что война может начаться в любой момент, подчеркнув, что Баку не намерен идти ни на какие уступки, и почему-то спроецировав карабахскую ситуацию на Югославию и Ирак, где, с его точки зрения, была эффективно применена военная сила.

И хотя в Азербайджане призывы к воинственным заявлениям главы военного ведомства (кое-кто здесь полагает, что риторика министра обороны и не должна быть иной), призывы любой ценой вернуть утраченные территории ложатся главным образом на сердце одних и умножают ненависть, подозрительность у других. Чем активней война слов и заявлений, тем меньше

шансов на то, что стороны снова сядут за стол переговоров. А сделать это все равно придется.

Отказ от угроз силового реванша становится сегодня непременным условием выхода из карабахского тупика. Другим таким условием является переход к тактике малых компромиссов, о которых должны поначалу договариваться не президенты, а их полпреды. Ибо к масштабным, кардинальным решениям ни та, ни другая сторона пока не готова. Пакетный вариант урегулирования, предлагаемый Ереваном и предполагающий либо независимость Карабах, либо присоединение его к Армении, не устраивает Баку. А поэтапный вариант, означающий обмен территориями, не решает главного вопроса - о статусе НКР. Если азербайджанская сторона соглашается оставить его «на потом», то для армянской это опять-таки неприемлемо.

Вряд ли стоит питать иллюзии в отношении того, что попытки силовым путем вернуть Карабах не приведут к новому армяно-азербайджанскому противостоянию. А это чревато большой войной на Кавказе. В которой мы, россияне, совсем не заинтересованы.